

Александр Поливаев

ХОЛОДИЛЬНИК

Александр Поливаев

Холодильник

«Автор»

2026

Поливаев А.

Холодильник / А. Поливаев — «Автор», 2026

В основе сего фундаментального сборника лежат потешные истории про наших современников и про знаковых жителей давно отошедших эпох. Может кому-то они покажутся интересными, может грубоватыми или откровенно глупыми, пусть нас рассудит время, критики и беспристрастный читатель. Главным же требованием, которое с легкой руки вменил себе автор было наличие в них хоть какого-то маломальского юмора. А у юмора принцип один - он должен быть хоть немного смешным! В каких бы формах это ни выражалось. Насколько хорошо это получилось - судить вам, а у меня, знаете ли, дел по горло: еще борщ варить и вообще ипотека...

© Поливаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказы	5
Холодильник	5
Казус на похоронах	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Поливаев

Холодильник

Рассказы

Холодильник

Когда все живут в одном подъезде, то это, считай, одна большая семья! А значит, дружить и помогать друг другу – это святая обязанность каждого, по-соседски. Так, по крайней мере, я думал раньше... до вчерашнего дня.

А вчера заходит ко мне Пашка с нижнего этажа, с восьмого. Мы его на девятом постоянно заливаем, шумим, а он за это так же постоянно вызывает нам полицию и мусор под дверь высыпает – в общем, дружба у нас самая крепкая в подъезде, настоящая. Приходит, значит, Пашка и спрашивает: Саня, ты не занят? А я был очень занят – не знал за что братья: лечь поспать или на балконе покурить? Поэтому осторожно так спрашиваю – а что? Почву щупаю. Ежели пойти бахнуть, так я со вчера свободен. А он говорит – да нужно холодильник вниз спустить, помоги, по-соседски. Ооооо, нет, говорю – дел невпроворот, столько всего навалилось, не продохнуть. Он говорит – так давай я тебе помогу, а потом ты мне. Вот же сволочь, как таких земля носит? И, главное, что тут скажешь? Ох уж эта взаимовыручка.

Ладно, говорю, пойдем. Спускаемся. А что за холодильник говорю, тяжелый? А он: да нет – килограмм 80. А высокий, спрашиваю, в двери проходит? Да нет, говорит, не высокий – метра два, не проходит. Я, заранее предчувствуя нехорошее, с напряженной такой бравадой говорю – ну ладно, лишь бы до лифта дотащить. Пашка посмотрел на меня недоуменно и почему-то радостно отвечает – да какой там, не поместится, по ступенькам спустим. Да ты не бойсь, говорит, мы же вниз будем спускать, не в верх. Если бы в верх, тогда да, а так на нашей стороне все законы физики... там, говорит, делов-то на час. В лучшем случае – на два. И что-то у меня после этих слов в спине защемило, и вроде как язва открылась... новая. Пока спускаемся, думаю, хоть бы меня инфаркт хватил, что ли... вот сейчас очень надо. Но нет, к сожалению, всё хорошо со здоровьем. Думаю, хоть бы обморок... крохотный вот такой... я бы до вечера не приходил в себя, но... тц... не судьба. Здоров, сволочь. И, главное, откуда только здоровье берется? Вроде столько лет целенаправленно его уничтожаю, никакой благодарности...

Спустились на восьмой этаж, ага. Холодильник – огромный железный монстр советской закалки – угрожающе встречал нас на кухне, и он мне сразу не понравился, моментальная такая неприязнь! Стоит такой, веревочкой перевязанный, чтобы значит дверца не открывалась. Меня аж в дрожь бросило, глядя на эту веревочку. Я залепетал как младенец – Паш, да ну его, похорошему, пусть тут стоит, давай твою квартиру вместе с ним продадим, отметим и тебе новую купим, ну глянь на него, он тут кажись корни пустил... до самого подвала. А Пашка говорит – наклоняй его на меня, а сам снизу бери... по-соседски! Я как в тумане подхожу к этому исполину, погладил его немного, чтобы успокоить... себя, наклоняю так... тяжело идет, но не критично... Пашка принял сверху, а я снизу его приподнимаю... приподнимаю... приподнял и тут же, мгновенно, в ту же самую секунду устал! Вот сразу же!!! Там у него, у дьявола, у холодильника, мотор оказался внизу... кто бы знал?! Тяжелючий, сука, как мешок цемента... с похмелья... пятилетней девочке. Бросил я его, ни секунды не противясь законам гравитации, присел на пол – фууух, говорю, давай передохнем, славно поработали...

Пашка недоуменно смотрит на меня. Я жалобно смотрю на Пашку. Холодильник равнодушно стоит. Ладно, говорит, Пашка – принимай ты сверху, а я низ прихвачу и выходи первым, спиной в дверь... по-соседски. Принял я чертов холодильник сверху... действительно чутка полегче... но по-прежнему тяжело... тащим... иду спиной, не разбирая... нещадно топчу обувь в прихожей, кота, присевшего в свой кошачий туалет, спиной снимаю одежду с вешалки, иду потом по ней, с обувью, с кошачьим туалетом, с котом... Наполовину вышел в подъезд, уже полегче, осталось всего лишь 8 этажей спустить... Фигня! Чую – застряли, не проходит холодильник, не хочет, гад, покидать насиженное гнездо! А силы мои почти на исходе – руки дрожат, ноги дрожат, спины не чувствую, рассчитываю на долгожданный инфаркт. Пашка, фашист, кричит – приподними его повыше... на вытянутые руки... Да как же, кричу, приподнять, когда я и согнутыми руками его из последних сил держу? Сам, кричу, подымай, сволочь. Он орет – да как, у меня мотор! Я взмолился – так что, заносим обратно? Нет, кричит, есть идея... чую, какие-то движения, шум, грохот, звон бьющегося стекла, кот орет, холодильник немного застыл, а потом резко как вылез в подъезд вместе со мной и на ручку перил меня задом насадил...

Я обмер! Прислушиваюсь к ощущениям. Пашка кричит – уперся во что-то! И сильнее давит, тварина... А у меня в глазах потемнело, воздух в груди сперло, чувствую, как ручка перил постепенно пытается в организм войти... да не с той стороны, с какой природой предначертано. И чем сильнее давит Пашка, тем... в общем, я тогда как заорал! Поднял этот холодильник над собой, с ручки соскочил, да в сторону с ним! Тут и Пашка вылез с остальной частью железного монстра. Выперли! Стоим, смотрим друг на друга – Пашка весь поцарапанный, рубашка порвана, ухо в крови, я – внешне целый, но внутренне уже не тот, без прежнего куража, опасно поглядываю на перила.

Пашка говорит – ну вот, а ты боялся. Так я и сейчас боюсь, только теперь еще больше, потому как назад дороги уже нет. Только вперед. Пашка говорит – ну, по старой схеме: бери его верхушку и иди спиной вперед... вниз... по-соседски. Что ж, беру, дорожка-то вроде протоптана. Начинаем спускаться на седьмой этаж. И с каждой ступенькой вниз чувствую что-то не то. Схема вроде старая, а ощущения какие-то новые! Неприятные. Начал холодильник на меня как-то насаждать и ускорять движение книзу. Прямо давит на лицо и... мочевой пузырь. Чувствую, не хочу больше спускаться. А поднимать еще больше не хочу. И желания жить тоже больше нет. Спустились на пролет. Смотрю, а здесь соседка с моего 9-го этажа – баба Зоя, 90 лет стоит... то ли пенсии, то ли смерти дожидается... и мы с холодильником.

Баба Зоя, спрашиваю, вы чего пешком? А она говорит – лифт не работает, я со вчерашнего дня потихоньку поднимаюсь. Я говорю – спуститесь на седьмой этаж, а то мы с холодильником и с вами здесь никак не развернемся. А она – нет, говорит, внучки, если спущусь – больше уже не поднимусь, силы не те, лучше вы обратно поднимитесь с холодильником, а я быстренько, минут за 40 поднимусь к вам, на этаж, там и разминемся. Хотел я кинуться на бабу Зою и разом прекратить ее земные мучения, да Пашка – добрая душа – заступился за старушку. Не надо, говорит, а то полиция приедет, скорая, мы вообще тут не пропихнемся. Холодильник спустим и тогда делай что хочешь.

Начали мы на этом пролете танцевать с холодильником и бабой Зоей, чтобы всем разойтись и никого лишнего вниз не прихватить. Поднял я свой край, Пашка – свой, баба Зоя под холодильником пригнулась, пытается пройти... Пашка меня вниз с холодильником толкает, заодно и на бабу Зою насаждает, потому что места на пролете мало, не пропихнуться, да коленом ее на всякий случай в грудь пропихивает, а она, старая, за ручку холодильника зацепилась... получается, прицепом вместе с холодильником на меня навалились... прижалась ко мне... лицом своим к моей щеке... и глазом своим белым, с катарактой, мне в глаз смотрит... беспомощно... и безрадостно... в самую душу... и как-то не пройти никому... не сдвинуться... страшно мне стало, как никогда... фигня ваши перила! И тогда я в нее надежно проверенным

оружием – перегаром - в лицо как ахнул... старушка с последними силами и отлепилась от меня... вот она, сила! В общем, снова я снизу, Пашка сверху, а баба Зоя на пролете, отходит от пережитых приключений.

На седьмом этаже постояли, покурили. Пошли дальше спускаться, осталось дело техники, рутина, самое страшное позади. Начали спускаться и тут веревочка на холодильнике развязалась, дверца вниз как открылась и оттуда всякое съестное барахло на ступеньки посыпалось и на меня заодно, потому как я снизу. Яйца, варенье, овощи, салаты, баллон с молоком, кастрюля борща... полная! Пашка, гнида – кричу весь в борще - ты чего продукты не выложил, сволочь? Только Пашка собрался что-то ответить, как я на яйца наступил и вместе с ними, с холодильником, с Пашкой, со страшным грохотом скатился на шестой этаж. Прислушался к ощущениям – вроде не умер и позвоночник цел, да что ж за непруха такая? Поднимаюсь. Пашка, придаток бычий, поднимается, говорит – ты это, поаккуратнее с техникой, не торопись, по-соседски. Хотел я на него кинуться, да вовремя остановился – побоялся. Всё-таки он больше меня.

В общем, спускали мы холодильник долго, страшно... на пятом этаже чья-то собака грызла мою ногу до самого четвертого... на третьем дети снимали с нами рилс «Две кретина – это сила!». На втором во мне проснулось второе дыхание, и я разрыдался, попросил Пашку отпустить меня, предлагал даже денег дать, но тот отказался – не сошлись с ним в цене, а в долг брать он не захотел. Короче, к первому этажу спустились: холодильник и закаленный в бою мужчина, научившийся смотреть своим страхам в глаза... а, ну и я.

Поставили холодильник возле подъезда... Тут как раз подходит пашкина жена. Уже спустили? – спрашивает, - Быстро вы! А ты говорил – это будет непросто. Что это с тобой Сашок, что за вид? Совсем облик человеческий потерял? Пашенька, продукты из морозилки ты куда сложил?

Внутри меня что-то гулко ухнуло вниз! Негнущимися руками открываем морозилку, а она полностью забита мясом, рыбой, ягодами, пельменями... килограмм на двадцать... Тут у меня руки затряслись и сердце начало биться не в такт. А вот, кажись, и инфаркт, думаю, как не вовремя! И это еще, слава Богу, что мы на шестом этаже аккуратно выложили часть содержимого.

Я спокойно так говорю – я на секундочку, сейчас вернусь. Отхожу в сторону, смотрю – труба железная валяется, то, что надо. Хватаю трубу и к Пашке – за холодильник ему, за перила в зад, за бабу Зою и честь ее поруганную, за борщ, за яйца, за морозилку!!! Вот тебе, гад, по-соседски!

И всё, делов-то! А вечером жена пришла, забрала меня из полиции, нисколько не удивившись внешнему виду – попросила по подъезду больше не шариться, не отравлять людям жизнь. А я и сам после этого сижу дома, как куркуль, никому не помогаю. С Пашкой остались добрыми друзьями, по-прежнему регулярно его заливаю, чтобы не расслаблялся. А когда он купил новый холодильник, так я и вовсе из города уехал на неделю, от греха подальше. Так и живем, по-соседски.

Казус на похоронах

Покойник с совершенно безучастным лицом возлежал ровно так, как пристало хозяину положения по столь важному случаю. Со всеми почестями и раболепием. Он был чист, выбрит и даже прилично одет. Покрывалко, до груди обрамляющее его степенный вид, было так же бело как белы были лица людей, пришедших отдать последнее «прости» внезапно отчалившему от бурных житейских волн. Что таить, в избе было холодно и открытая настежь дверь, как водится на таких мероприятиях, практически не закрывалась. Люди приходили и уходили... те, что побогаче, несли цветы, венки, иные же - простодушно и сумбурно мяли выдавшую виду шапку в огрубевших рабочих руках...

Помимо прочих, пришел проститься и Дмитрий Прокопьевич Кологривый, близкий друг и соряатель усопшего. Тут-то и вышла оказия, окромя которой, про эти будничные и даже скучные похороны потом уже никто и не вспоминал...

Он только-только с мороза сунулся в избу и даже шапку снять еще не успел, как вдова коршуном ринулась на некогда желанного гостя в этом вмиг опустевшем доме.

- Нет-нет-нет, никак нельзя, - тихо зашипела она на пришедшего. – Соболаговолите осиротить нас своим присутствием.

- В смысле нельзя? – не понял и даже испугался поначалу Дмитрий Прокопьевич. – Да трезва ли ты, матушка или горе помутило последние крупницы воспаленного разума? Присмотрись ко мне на свету, это ж я, Митька. Ну?

- Покудава трезва, не сумлевайся, бес, а на свету я вижу так же хорошо, как при отсутствии онного плохо. И отлично осведомлена о том, суротив кого пру. Ступай отседова. Ну!

Тогда уж Дмитрий Прокопьевич испугался всерьез. Это ж так можно и без поминок остаться, а он с утра не жрамши по такому случаю.

- Да в чем дело-то, объясни? – уже чуть погромче спросил он, невольно призывая в свидетели других гостей торжественного собрания.

- Да не шуми ты, - зашипела вдова.

А гости и вправду начали озираться – мол, что такое, что творится и по какому такому поводу нарушают молчаливое торжество, не дают грустить наедине с теплыми воспоминаниями... коих, кстати, было не так много...

Вдова тут же обернулась на немой гул общественности и успокаивающе развела руками в стороны – мол, все идет, согласно регламенту мероприятия, не отвлекайтесь, граждане, поминки будут, только чутка попозжа.

Она цепко схватила за локоть Дмитрия Прокопьевича и вывела в сени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.